

Это было адское зрелище, которое застряло в памяти Марин и не исчезало. Марин не могла рассказать никому, даже Виолетте, о том, что семь лет спустя ей всё ещё будут сниться кошмары.

Об этом наверняка знали все. Они знали, но ничего не могли поделать. Если взрослый слуга не может даже что-то сделать, чтобы исправить это, как может Марин, простой ребёнок, сделать это?

Что она могла сделать, так это просто увеличить своё время, когда говорила с Виолеттой немного побольше. Даже это не имело никакого значения, когда Виолетту звала её мать, и в конце концов, это не имело никакого существенного эффекта.

Эти дни закончились менее чем через полгода после того, как Марин начала там работать.

Внезапно количество вызовов Виолетты заметно уменьшилось. А потом Беллероз не могла встать с постели, не говоря уже о том, чтобы ходить по комнате.

И наконец, она больше не смогла подняться.

Беллероз ни с кем не разговаривала. Она не видела чьих глаз. Она просто назвала имя главы семьи, Олд, как будто говорила в бреду.

— Виолетта-сама... вы в порядке?

— Я... я в порядке.

(Т/Н: раньше Виолетта использовала "□ / боку", когда говорила с Марин, но она изменила его на "□/ваташи". Оба означают "я", но первое используется мальчиками, а второе больше похоже на вежливую форму, но в основном (?) используется девушками и женщинами.)

Виолетта сидела на садовой скамейке, её волосы развевались на ветру.

Она заметно изменилась после того, как перестала ходить к Беллероз. Её волосы немного отросли, а тон голоса и одежда постепенно изменились.

В этот момент Марин впервые поняла, что Виолетта - девочка.

Это было причиной, почему она чувствовала, чувство несоответствия, поскольку долгое время назад. Для мальчика, которому было десять лет, на её запястьях, которые были через её рукава, шею, что было видно сквозь её разрывы волос, и её талию, что было видно сквозь её одежду, она казалось, ненадёжной и тонкой.

Её высота была разумной, но она была явно девушкой. До этого Марин думала, что Виолетта была худым мальчиком, но сейчас она видела в ней только красивую девочку.

И конечно, Беллероз это не понравилось бы.

Дочь, которую Беллероз любила в детстве, становилась женщиной. Не в силах смириться с этим природным явлением, она бежала от своей мечты наяву к разбитым осколкам надежды. Возможно, Беллероз забыла о Виолетте, которая была вытеснена из её сна, не оставив в голове матери ни тени, ни очертаний.

— Прости меня, Марин.

— А?..

— Я показала тебе мир, который ты не хочешь знать из-за моего эгоизма.

Если они говорили о том, действительно ли Марин не хочет знать, Виолетта была права. Она уже давно смирилась с тем, что её бросили родители. Вот почему она мечтала о чужих семьях.

Нежная мать и строгий отец. Но мать была самой страшной, когда злилась, а отец был очень добр к своей дочери.

Такое счастье должно быть обычным в мире, и всё же...

Здесь она увидела отца, который бросил свою семью, мать, которая видела в дочери своего мужа, и дочь, которая осталась одна в большом особняке.

— Причина...

Марин не хотела знать этот мир.

— Зачем вы меня наняли?

Она была маленькой девочкой, которая была немного старше Виолетты, и совсем ей не родственница. У неё не было ни семьи, ни денег, ни образования. Грязный бездомный ребёнок без каких-либо хороших качеств.

Она не подходила для этой работы, которая гарантировала бы ей еду, одежду и кров, она едва справлялась с этой задачей. Было так много причин, чтобы выгнать её прямо сейчас.

— Чего вы... ждёте от меня?

У Марин ничего не было, и она ничего не могла сделать. Даже если Марин видела это во сне и просыпалась от страха, она не была тем, кто мог бы вытащить Виолетту из этого ада.

У неё было слабое сердце и не хватало силы, так что она завидовала Виолетте, которую должна была хвалить как своего благодетеля.

Марин не могла понять, чего хочет Виолетта от своего беспомощного "я".

— ...Эти глаза.

— ...Глаза?

— Это потому, что я думала, что эти глаза прекрасны.

Виолетта сказала это, глядя прямо в глаза Марин.

Красные глаза Марин. Они были доказательством предательства, которое повлияло на жизнь Марин.

Она ненавидела свои собственные глаза.

Марин не могла игнорировать тот факт, что её бросили, несмотря ни на что, и если её родители приедут, чтобы забрать её сейчас, она не сможет сказать, что была бы привязана к ним. Она будет испытывать к ним только недоверие и отвращение.

Но иногда, когда она смотрела на семьи, приходившие в церковь, на родителей и их детей, проходивших мимо по дороге, на дома с зажжёнными огнями, она удивлялась.

Если бы эти глаза не были красными. Если бы они были такого же непроблематичного цвета, как у её отца и матери, изменилась бы её жизнь?

— У меня были плохие красные глаза. Они заставляли меня чувствовать, что моя мать наблюдает за мной.

Мать Виолетты просила любви у Виолетты, видя в дочери своего мужа. Почему Марин считала, что Беллероз еще более грязная женщина, чем её мать, у которой были отношения с кем-то, кроме мужа, хотя любовь Беллероз была искренней, а вовсе не изменой?

Марин вспомнила боковой профиль лица, потерявшего рассудок, и к ней вернулась тошнота того дня.

— Вот почему, я была удивлена, когда увидела глаза Марин... я никогда не знала, что они такого красивого цвета.

Виолетта поднялась со скамейки и встала перед Марин, которая стояла рядом с ней. Её пальцы медленно вытянулись, касаясь глаз Марин сквозь щель между чёлкой.

Девушка с такими же глазами, как у матери Виолетты, рухнула за домом Виолетты.

То, что она чувствовала в этом тускло освещенном красном свете, не было её обычным дискомфортом, как будто кто-то лизал её шею. Они были ярко-красным закатом, цветом, который начал обратный отсчет до её освобождения. Для матери Виолетты это могло быть расставанием с любовью всей её жизни, но для Виолетты это был момент надежды, который положил конец её лжи.

— Потому что это очень яркий и красивый красный цвет. Я была бессознательно очарована ими.

Виолетта привыкла думать, что цвет или липкость, как нагретое железо, были красными. Одержимость ее матери и слепая вера, казалось, переплелись во всём теле Виолетты, сопровождаясь одышкой, как будто она медленно задыхалась.

Она гадала, не втянется ли однажды и сама в это безумие.

— Именно поэтому я и хотела, чтобы ты осталась со мной. Потому что, когда я смотрю в глаза Марин, они всегда разные.

Что за мысли были у Виолетты, когда она сказала это? Неужели она имела в виду, что даже если у Марин и Беллероз были одинаковые красные глаза, они были двумя разными людьми?

Или она имела в виду, что даже если Беллероз и была её матерью, они не были одинаковыми?

— Это глупая причина.

Другие люди были бы поражены и посмеялись бы над абсурдной причиной десятилетнего ребёнка, который нанял кого-то, потому что она только думала, что её глаза были прекрасны, не так ли?

— Но... для меня важно, чтобы мой мир изменился. Я могу чувствовать себя спокойно, когда буду смотреть на Марин.